

Азиатский вектор внешней политики России: итоги года и перспективы

декабрь 2010

Московская конференция подтвердила значимость азиатского направления внешнеполитической деятельности России и заострила внимание на актуальных проблемах Азиатско-Тихоокеанского региона. В особняке «СоюзНефтеГаз», который возглавляет Юрий Шафраник, состоялась дискуссия в формате круглого стола, в которой приняли участие крупнейшие отечественные эксперты по Азии, а также специалисты по проблемам геополитики. Они обсудили итоги прошедших саммитов стран АСЕАН и АТЭС, специфику взаимоотношений России со странами региона, перспективы развития их сотрудничества, возможную повестку дня саммита АТЭС-2012 во Владивостоке. Организаторы круглого стола - журнал «Международная жизнь» МИД РФ, ПИР-Центр (журнал «Индекс безопасности»). Модераторами выступили Армен Оганесян и Владимир Орлов.

Азиатский вектор внешней политики России: итоги года и перспективы

Армен Гарникович Оганесян, главный редактор журнала МИД России «Международная жизнь», советник министра иностранных дел:

Я хочу вас поприветствовать и поблагодарить всех за то, что приняли приглашение поучаствовать в нашей сегодняшней дискуссии, выразить благодарность Юрию Константиновичу Шафранику, который всегда с радостью и энтузиазмом откликается на наши просьбы. Помимо того, что он возглавляет «СоюзНефтеГаз», он является президентом фонда «Мировая политика и ресурсы», который тоже занимается проблемами, тесно связанными с энергетической геополитикой. Сегодня здесь собрался экспертный цвет — специалисты не только по Азии, потому что азиатские проблемы сейчас нельзя рассматривать в отрыве от общей геополитики. Наша задача определена темой —

подведение итогов и взгляд в будущее, какие перспективы у нас есть. Год был, что называется, урожайным на азиатскую тему: очередной саммит АТЭС в Японии, второй саммит АСЕАН в Пхеньяне, российское участие в саммите Европа — Азия (АСЕМ) в Брюсселе, стамбульский саммит Конференция по взаимодействию и мерам укрепления доверия в Азии (СICA) и другие международные форумы. При этом некоторые вещи были прорывного характера. Но вместе с тем для России существует масса проблем на азиатском направлении.

Орлов Владимир Андреевич, президент ПИР-Центра, главный редактор журнала «Индекс безопасности»:

Сейчас, как никогда, надо отметить значимость азиатского вектора внешней политики России, проблем стран Азиатско-Тихоокеанского региона в политике безопасности Российской Федерации. Хотел бы в своем

вступительном слове остановиться на некоторых аспектах, связанных с проблематикой сегодняшнего круглого стола. Россия, являясь евро-тихоокеанской державой, взяла принципиальный курс на выравнивание европейского и тихоокеанского векторов своей политики. Это уже декларировано и не является предметом какой-то дальнейшей дискуссии. Существует и Правительственный план развития Дальнего Востока, Республики Бурятия, Забайкальского края и Иркутской области на период до 2025 года. И теперь в повестке дня — переход от деклараций к выстраиванию реальных планов. Задача же внешней политики России — облегчить работу на этом пути. На азиатском направлении есть серьезные внутренние трудности. Я бы выделил четыре из них. Первая — географическая: затруднительность управления регионом, находящемся в 9-ти тысячах километрах от Федерального Центра. Вторая — демографическая: семь миллионов человек проживают по ту сторону Уральских гор, а расстояние между крупными городами региона не менее 400 км. И здесь демографическая проблема сталкива-

ется с миграционной, которую, кстати, можно рассматривать и как позитивный момент. Миграцию надо превратить из проблемы в открывающуюся возможность. Третья проблема: со стороны экспертного сообщества есть мнение, что у России нет пока чёткой стратегии развития Дальнего Востока. И четвёртая проблема: отсутствие масштабных, стратегически привлекательных проектов, одинаково важных для Федерального Центра, для региона и для тихоокеанских соседей России.

Сегодня хотелось бы сосредоточиться не столько на проблемах, сколько на возможностях России вписаться в Азиатско-Тихоокеанский 21-ый век не в качестве младшего партнера, а достойного партнера. Российская внешняя политика в этом направлении активизируется. Таким образом, фундамент закладывается. И, наверное, этот фундамент должен быть готов к прорыву к саммиту АТЭС, который состоится во Владивостоке в 2012 году. Всегда есть вопрос сверхзадач: зачем все это надо? Мне показалось любопытным, как эту сверхзадачу прокомментировала эксперт с Дальнего Востока Мария Теплоухова. Она ранее опубликовала в нашем журнале свою статью «Владивосток-2012: АТР и Россия и о чем говорить на

саммите». Она предлагает такую формулировку: «В качестве одного из рациональных и перспективных путей стоит признать интеграционный путь, предполагающий равное внимание как к региональной экономике для российского Дальнего Востока, так и к политике образовательных программ, проектов в области безопасности. Этот путь исключает выстроенную за последние 20 лет систему взаимоотношений регионов нашей страны, при которой приграничные территории выступали бы только в качестве источника природных ресурсов. Политика – исключительно интеграционная». Конечно, говоря сегодня об АТР-векторе, не следует вырывать его из контекста азиатского вектора политики России в целом, поэтому мы пригласили сегодня специалистов как по АТР, так и по сопредельным азиатским государствам, имеющим ключевое значение для России. Прежде всего, в данном контексте речь идет о двух регионах – Южной Азии и Центральной Азии. Говоря о важности сопряжения социально-экономического развития российского Дальнего Востока и реализации внешнеполитических задач в регионе, нельзя не обратить внимание на такое совпадение, - наверное, не случайное совпадение – сегодня Пред-

седатель российского правительства находится в Хабаровске, проводит там межрегиональное совещание «Единой России» и обращается к проблемам Дальнего Востока. Как он заметил применительно к дальневосточным проблемам: «Прежде всего, развитие инфраструктуры, энергетики, создание новых рабочих мест и, может быть, не так как в других местах, а более интенсивное развитие инновационной деятельности, связанные с тем, что наш Дальний Восток должен быть естественной частью АТР». Конечно, в Москве социально-экономический рывок региона ощущается сегодня как насущная, неотложная задача. Однако, как я сказал выше, не получится реально интегрировать наш Дальний Восток в мировую экономику без привлекательных масштабных проектов. Мы с Вячеславом Алексеевичем Никоновым недавно были в Индии. Там была очень интересная встреча, которую он там организовал с фондом «Obsever». Наши индийские коллеги говорили, что в российско-индийских отношениях все хорошо, но нет нового стратегического проекта, который продвинул бы вперед наше сотрудничество. Важно, чтобы, в том числе новое поколение россиян и индусов, почувствовали, что

есть что-то большее, чем общие разговоры о дружбе и сотрудничестве и некоторые уже заостеневшие контракты в области военно-технического взаимодействия. В этой связи индийские коллеги, в том числе и на высоком уровне, предлагали в достаточной степени «экзотические» решения, например, полмиллиона пенджабцев приезжают на российскую территорию осваивать сельское хозяйство Сибири или Дальнего Востока, с иронией говорили – на границу между Россией и Китаем. Наверное, такой проект мог вызвать улыбку у присутствующих за столом, и, тем не менее, это то, что серьезно обсуждается в Индии, то, что интересно, и то, что могло бы стать неким двигателем. Какой может быть двигатель развития российского Дальнего Востока применительно к соседям по региону, к государствам, составляющим этот регион? – наверное, интересный вопрос. В данном случае миграция не должна стать фобией России, миграция должна стать той возможностью, к которой российское население, российское государство должно быть политически готово и использовать это на наше благо. Накануне саммита АТЭС, как представляется, Россия должна решить несколько блоков задач в своих отношениях с

партнерами по региону. Первое – это высокотехнологичное сотрудничество в атомной энергетике (Вьетнам, КНР), международные проекты, в том числе и на площадке Международного центра обогащения урана в Ангарске, нанотехнологии, сотрудничество в области космоса и информационных технологий. В последних случаях у лидеров российских компаний, например, такой известной, как dst@mail.ru, есть очень серьезные, жесткие, амбициозные планы взаимодействия с государствами Азиатско-Тихоокеанского региона, прежде всего Японии, Республики Корея, США. В этой связи, наверное, это недоиспользованный ресурс для сотрудничества.

Сотрудничество в области безопасности – традиционная и новая повестка дня – предотвращение распространения оружия массового уничтожения, ракетных технологий и двойных технологий (здесь, конечно, имеется в виду КНДР), противодействие терроризму и особенно финансированию терроризма. На этом направлении сейчас, накануне саммита АТЭС, ведется большая работа. Президент Медведев, говоря о векторах направлений, связанных с будущим председательством в АТЭС, отмечает, что мы намерены продолжать сотрудничество,

направленное на обеспечение энергетической, транспортной, продовольственной, экологической и информационной безопасности на всем пространстве АТЭС.

Шафраник Юрий Константинович, президент «СоюзНефтеГаз», президент фонда «Мировая политика и ресурсы»:

Я рассматриваю Азиатско-Тихоокеанский регион с энергетической точки зрения. Туркмены впервые построили «трубу» на Иран (её развитие возможно и далее), впервые завершили прокладку трубопровода на Китай. Понятно, что это пока несформировавшаяся газовая ось. И вокруг неё будут развиваться события в отрасли. Рано или поздно с севера Ирака и из Ирана будут проложены «трубы» на Туркмению и Европу и обратно.

Здесь для России задача даже не в «трубах», а в идеологии: как относиться к этой газовой оси и что является приоритетом. Приоритетами для всех трёх стран – России, Ирана и Туркмении – яв-

ляются объёмы, направление и цены. Задача у России – экономическая, энергетическая и политическая – огромной важности. Но на этом направлении мы пока сделали «ноль», не считая некоторых экспертных выступлений. Больше качать по меньшей цене – тогда для чего трудиться? Вторая причина для беспокойства: необходимость иметь дружественные отношения с бывшими республиками СССР. Третья причина – в Китае. Когда мы говорим о взаимоотношениях с Китаем, я в первую очередь думаю об энергетике. Все страны в отношении энергетики являются или потребителями, или производителями. Китай – крупнейший потребитель. Это всегда надо помнить. С 50-х по 90-е годы мы направляли туда технологии; настало время, когда мы уже из Китая будем получать технологии. И здесь есть над чем задуматься... Когда мы говорим, в том числе и на высоком уровне, что мы построим завод, например, нефтеперерабатывающий, в Китае, сразу возникает вопрос, какая российская компания будет его строить.

У меня, честно говоря, больше пессимизма и негатива. Мы строим инфраструктуру и «трубы». Но – я об этом писал еще 6 лет назад – «труба» даже на 40 % не обеспечена живой не-

фтью. Если качать нефть из Тюмени, то мы потеряем европейский рынок. Если при сегодняшней налоговой системе посчитать ванкорскую нефть, что она дошла до Тихого океана, то Ванкорское месторождение надо закрыть вчера, потому что оно нерентабельно. Это самое лучшее месторождение с 90-х годов в России. В полосе «трубы», кроме Сургута, мало кто работает, и живой нефти на 30 миллионов там нет. Должно пройти, по крайней мере, 10 лет, чтобы заработало. На этих месторождениях, в отличие от западносибирских, нет деления на нефтяную и газовую отрасли. На других – нефтяная и газовая отрасли все еще не совмещены ни по времени, ни по технологиям, ни по срокам. На конце «трубы» у моря заводов практически нет в мире. Заводы есть всегда на прием нефти. Нефть дешевую из моря приняли, переработали и пустили к себе хоть нефтепродуктами, хоть химией, чем угодно. Но когда за 4 тысячи догоняешь нефть и строишь себе завод, ты должен точно себе представлять, под какой рынок ты его строишь. Ведь рынок весь занят. Китайцам выгоднее купить японский завод. С точки зрения энергетической направленности азиатского вектора я больше пессимист, потому что пока без осмысленности этого движения на Восток и без

рисков мы, конечно, не осилим энергетическое направление. На это потребуются огромнейшие деньги и время. Я считаю, что в нашем восточном векторе заметно оживление – не только ради рабочих мест надо работать, а ради того, чтобы мы бы вошли в сегмент международного рынка.

Галузин Михаил Юрьевич, директор 3-го департамента Азии МИД РФ:

Прежде всего, я хотел бы отметить как директор департамента занимаюсь вопросами двусторонних отношений с государствами Восточной Азии и Океании, а именно Японии, АСЕАНовской «Десятки», Австралии и Новой Зеландии, что то, что я скажу, окажется несколько зауженной конкретикой наших взаимоотношений. Я попытаюсь проанализировать современные тенденции в этих отношениях через призму наших общерегиональных интересов, через стремления более глубокой интеграции России в Азиатско-Тихоокеанский регион, прежде всего в модернизационном и интеграционном сегментах, как на это нас нацеливает руководство

страны, в частности, в последнем Послании Президента Федеральному Собранию.

В целом, на мой взгляд, уходящий год оказался достаточно результативным с точки зрения укрепления позиций России в Азиатско-Тихоокеанском регионе, включая и политические, и экономические аспекты. Понятно, что сделать предстоит неизмеримо большее, чем сделано, и ни в коем случае нельзя успокаиваться, и, тем более, почивать на лаврах. Может быть, пока скромные, но уже заделы для дальнейшей работы все-таки есть. К такому более или менее позитивному результату Россия пришла, благодаря определенным, целенаправленным усилиям с нашей стороны. Обстановка в регионе с точки зрения интересов России стала более благоприятной, чем раньше. На фоне достаточно высокой динамики посткризисного восстановления в Юго-Восточной Азии и Океании и на фоне поисков в Азиатско-Тихоокеанском регионе моделей обеспечения безопасности с более глубокой, серьезной опорой задействования многосторонних подходов в регионе возрос спрос на Россию. При всех сложностях нашего вхождения в АТР Россию рассматривают как достаточно перспективный инвестиционный и то-

варный рынок в конкретных сегментах, многообещающего инвестора, поставщика энергоносителей. Кроме того, в политико-военном плане – очень многие страны это подтверждают – рассматривают нас как весомый, стабилизирующий фактор в непростой политико-военной ситуации в регионе, где дают о себе знать как известные глобальные вызовы (распространение ОМУ, международный терроризм, транснациональная преступность), так и известный набор застарелых и относительно новых сугубо региональных проблем, потенциально конфликтных ситуаций – от ядерной проблемы Корейского полуострова до территориальных разногласий в Южно-Китайском море. Эта возросшая востребованность России в Азиатско-Тихоокеанском регионе материализуется в последнее время, конечно, как вхождение России в механизм восточноазиатских саммитов, присоединение к диалоговому форуму Азия-Европа, повышение нашего профиля в АТЭС, в возросшем стремлении стран АСЕАН к уплотнению, в разнообразной кооперации с нами, что проявилось на втором саммите Россия-АСЕАН. Тему многосторонней нашей дипломатии в АТР я должен оставить коллегам, которые

занимаются этим профессионально, а сосредоточусь на том, как и в какой степени удалось подкрепить наши позиции в регионе за счет определенного прогресса в двусторонних отношениях с целым рядом влиятельных региональных игроков, причем подкрепить, если мы успешно продолжим эту линию на долгосрочную стратегическую перспективу. Во многих случаях это происходило именно благодаря активизации сотрудничества с этими государствами в высокотехнологичных, инновационных сегментах. В этом контексте я хотел бы выделить существенное укрепление стратегического партнерства с Вьетнамом. По итогам визита Президента в Ханой в октябре этого года достигнут ряд договоренностей, главное из которых сотрудничество в создании РВС с нашей технологической и финансовой помощью в атомно-энергетической отрасли. Это строительство первой АЭС, создание сопутствующей научно-исследовательской структуры, подготовка кадров. Скажу сразу, каждый из этих участков не без проблем, но принципиально базовая договоренность достигнута, что очень важно. Seriously сцементированы отношения с Вьетнамом и в таких сферах, как политическая, обо-

ронная, образовательная, культурно-гуманитарная. На основе договоренностей, достигнутых в ноябре 2009 года, между Президентом России и руководством Сингапура получило дальнейшее поступательное развитие отношений и с этим крупным экономическим, научно-технологическим и финансовым центром региона. В сентябре начала работу двусторонняя комиссия высокого уровня, которую с нашей стороны возглавляет вице-премьер Володин. Подписано соглашение о взаимной защите инвестиций. И что достаточно важно, на системной основе осуществляется взаимодействие с Сингапуром в целях имплементации на российской почве сингапурского, действительно, передового опыта в создании системы электронного правительства, что для нас чрезвычайно важно, в том числе в свете задач, поставленных Президентом в этой связи. Заметно оживились отношения с Австралией и Новой Зеландией — с государствами, с которыми, отчасти по объективным причинам, отношения были не столь активными, как хотелось бы. Если говорить об Австралии, то установлен тесный, доверительный контакт с новой лейбористской администрацией в результате встречи Президента с

Премьер-министром Австралии в Сеуле в ноябре. Принципиально важное значение имели завершение процесса ратификации и вступление в силу соглашения о российско-австралийском сотрудничестве в области мирного использования атомной энергии, которое открывает широкие возможности для сотрудничества с Австралией в этом высокотехнологичном сегменте. Что касается Новой Зеландии, то наряду с тем, что тоже установлен плотный контакт с новозеландским руководством, дан старт уникальному для России проекту, а именно запущен официальный диалог о заключении соглашения о свободной торговле между Таможенным Союзом (Россия, Белоруссия, Казахстан) и Новой Зеландией. По оценке российских экспертов, занимающихся этой проблематикой, этот проект сулит нам достаточно серьезные выгоды, поскольку экономика Новой Зеландии очень плотно встроена в системное экономическое взаимодействие в АТР. Уходящий год дал и немало неплохих конкретных, пусть, может быть, небольших по масштабу, работ российских компаний в высокотехнологичном сегменте экономики стран Юго-Восточной Азии. Одним из ведущих операторов мобильной связи, например, в Юго-Восточной Азии

становится наш vimpel.com, который последовательно укрепляет свои позиции на рынках услуг мобильной связи и иных телекоммуникационных услуг. Есть хорошие заделы по поставкам в регион самолета Сухой-SuperJet и целый ряд других проектов. С точки зрения масштабов отношений и их стратегического веса в зоне к востоку от Китая были и остаются связи и сотрудничество с Японией. К сожалению, эти отношения до сих пор отягчены таким негативным грузом прошлого — говорить о территориальных претензиях Японии к России и то, как этот фактор может негативно влиять на отношения, со всей очевидностью проявилось совсем недавно, в результате известной японской реакции на поездку Президента на остров Кунашир. Но вместе с тем, к определенному позитиву можно отнести, даже при подобных обострениях атмосферы отношений, и в целом при наличии в них нерешенной, чувствительной для обеих стран и обоих народов проблемы как пограничная, все-таки двусторонние отношения продолжают сохранять поступательный вектор, в том числе и в экономической сфере. Именно такая направленность в отношениях была закреплена в результате встречи Президента с

Премьер-министром Японии в ноябре на «полях» саммита АТЭС, когда лидеры договорились наращивать отношения по таким направлениям, как торгово-экономическая кооперация, взаимодействие в АТР, более плотная кооперация на международной арене в целом. И такой формат отношений, как мы надеемся, послужит базовой предпосылкой для создания благоприятной атмосферы в целях продолжения дальнейшего диалога по проблеме мирного договора, и продолжить такой диалог лидеры тоже согласились. Те тенденции, которые преобладали в наших двусторонних отношениях с государствами Юго-Восточной Азии, надеюсь, получают свое продолжение и в наступающем году с прицелом на наше председательство на саммите АТЭС.

У России есть, если не масштабные стратегические проекты, то, по крайней мере, определенные задумки на счет того, с чем мы могли бы идти в регион именно с точки зрения нашего масштабного, стратегического вклада в региональную интеграцию. Всем известно, как начали работать Сахалинские проекты. При прочих равных, в Южно-Сахалинске с японским участием создан крупнейший в Азии завод по сжижению природного газа.

Есть серьезные наработки, опять же не получившие пока имплементацию, но они есть, по модернизации Транссиба. Наверное, неплохая перспективная тема – сотрудничество в чрезвычайном реагировании в Азии. Наконец, такой сегмент, как телекоммуникационный блок. Здесь тоже есть определенные наработки, с Японией в том числе. Нам есть с чем идти в регион. Другое дело в том, что мы делаем сейчас, меньше, чем хотелось бы, в плане презентации продуманных, проработанных стратегических проектов.

Никонов Вячеслав Алексеевич, председатель Российского национального комитета Азиатско-Тихоокеанского совета сотрудничества по безопасности: По заявленной теме идет много обсуждений. Конечно, самый сложный вопрос – это жанр выступления перед аудиторией, к которой мы обращаемся и в каком качестве мы это делаем. Жанр нашего сегодняшнего обсуждения – это все-таки общение с читателями двух журналов: «Международная жизнь» и «Индекс безопасно-

сти». В последнее время мне приходилось в разных качествах участвовать в обсуждении проблем азиатской политики, бывать в Азии в качестве руководителя Фонда «Русский мир». Должен сказать, что на сегодня в Азии у нас 28 Центров в 13 странах, до конца года появится 29-ый в 14-ом государстве – в Иордании.

В АТР существуют общие проблемы. Напомню известное выражение Столыпина о том, что русский двуглавый орел – это символ страны, но если ему отрубить голову, он не станет одноглавым орлом, он просто истечет кровью. Сейчас, подводя итоги года, можно сказать, что уходящий год был годом разворота российской политики на Восток, к Азиатско-Тихоокеанскому региону. Прошло очень важное заседание Государственного Совета Российской Федерации в Хабаровске, посвященное проблемам укрепления позиций России в АТР. Были даны поручения, в том числе правительству и министерству иностранных дел, подготовить новую концепцию укрепления позиций России в АТР. Концепция должна быть готова до 1 января 2011 года. И это, безусловно, отражает те мегатенденции, которые происходят в современном мире, которые только ускорились с связи с мировым

экономическим кризисом. Главная мегатенденция – это смещение глобального центра сил в АТР. Страны Азиатско-Тихоокеанского региона, действительно, становятся двигателями развития мировой цивилизации, беря на себя роль, которую на протяжении 5-ти последних столетий исполняла Европа. Сегодня на долю стран АТР приходится уже 60 % мирового ВВП, 40% совокупных мировых инвестиций. В АТР находятся три крупнейшие мировые экономики – США, Китая, Японии. Страны АТР составляют ровно половину «Большой Двадцатки», средние темпы роста в АТР гораздо выше, чем во всех других, в том числе и развитых, странах. И для России этот стратегический манёвр чрезвычайно важен. Экономическая «завязка» на Европу, когда 60% нашей внешней торговли зависело от спроса на энергоносители со стороны государств Евросоюза – это ловушка для России, особенно проявившаяся в период кризиса. Азиатская часть АТР – также важнейший мировой полигон модели политической модернизации, которая воспринимается не как чистая вестернизация, а как особый путь развития, основанный на синтезе демократических форм правления и местной политической культуры.

Этот регион требует особого внимания с точки зрения конфликтного потенциала, заложенного в нём. Множащиеся в АТР вызовы и угрозы безопасности напрямую затрагивают интересы Российской Федерации. В первую очередь, конечно, проблемы Корейского полуострова, которые сейчас резко обозначены. Обостряются проблемы вокруг Южно-Китайского моря, которое превращается в сплетение геополитических интересов крупнейших мировых держав. Есть многие неурегулированные приграничные проблемы, и существует серьезная опасность внутривосточной дестабилизации в ряде стран региона.

Регион важен и с точки зрения того, что туда перемещается центр военно-политического соперничества между государствами. Именно в Азиатско-Тихоокеанском регионе находится пять государств с самыми многочисленными армиями – Россия, США, Китай, Индия, КНДР. В АТР сегодня происходит наращивание военных потенциалов. В развитых странах этот процесс обратный. Лидирующие позиции по темпам роста, помимо США, занимают Китай, Индия, Япония, Южная Корея. Любой из зреющих кон-

фликтов может обернуться большой бедой, поэтому надо быть предельно внимательным к процессам, происходящим в регионе.

Таким образом, евро-тихоокеанская ориентация России должна предполагать триединую задачу: развитие Дальнего Востока с использованием возможностей быстро растущих соседних стран; превращение России в крупную составляющую часть экономики АТР и увеличение роли России как крупного геополитического и геоэкономического игрока Азиатско-Тихоокеанского региона в вопросах безопасности.

Первое направление – социально-экономическое развитие Сибири и Дальнего Востока – единого промышленного комплекса России. Стратегия эта была утверждена правительством России в декабре 2009 года – стратегия развития Дальнего Востока, Республики Бурятия, Забайкальского края и Иркутской области на период до 2025 года. Очевидно, что соседство с динамично развивающимся регионом, который обладает большим рынком, открывает для нас возможности модернизации экономики, наращивание экспортного капитала, объемы получаемых инвестиций, создание совместных предприятий и

локализации высокотехнологичного сегмента производств на самой территории РФ через встраивание России в интеграционные цепочки в регионе, в мировой экономике. Это, действительно, исключительно важно. Надо заметить, что доля инвестиций из АТР в РФ до начала кризиса, в 2008 году, составляла 5,8 % от общего объема инвестиций в российскую экономику. Кризис радикально это положение изменил. Если западные инвестиции перестали в Россию приходить, - собственно был спад инвестиций, - то за годы кризиса объемы инвестиций из стран Азиатско-Тихоокеанского региона увеличились в 3 раза. По итогам кризиса доля инвестиций АТР в общем объеме инвестиций составляет сейчас 21 %. То есть, действительно, это огромный прирост. Ситуация меняется прямо на глазах. Наше сотрудничество, конечно, может идти по самым разным направлениям. В странах Азиатско-Тихоокеанского региона наш традиционный экспорт - это топливно-энергетическое сырье: нефть, нефтепродукты, уголь, металлы первичного передела, лес и морские биоресурсы. В ближайшее время в эту категорию могут войти электроэнергия и природный газ. Но пока мы не яв-

ляемся каким-то значимым фактором в региональных энергетических и сырьевых балансах. Если мы посмотрим долю российского экспорта в потребностях региона, то по нефти наш экспорт - 1,7 %, по газу - 0,002%, по каменному углю - 0,8 %. Причем, это наши серьезные позиции. Я считаю, что, уделяя большое внимание вопросам укрепления наших позиций по традиционным сырьевым позициям, нам важно продвигать на рынки Азиатско-Тихоокеанского региона новые высокотехнологичные товары и услуги, особенно осуществлять совместные проекты в сфере промышленных передовых технологий. Здесь назывались уже вопросы, связанные с проектами в области атомной энергетики и ядерно-топливного цикла. Можно назвать наш вьетнамский прорыв, но одновременно состоялся и японский прорыв на рынок электростанций Вьетнама. Если мы получили контракты на 5,5 миллиардов долларов, то японцы получили - более чем на 14. Причем японцы подкрепляют свои контракты кредитными линиями, а Россия еще не подтвердила предоставление соответствующего кредита. И именно на это, на наш первый опыт в Юго-Восточной Азии, внимательно смотрят и соседние страны,

где «Росатом» собирается осуществлять свои проекты, а именно в Индонезии, Малайзии, Тайланде и Филиппинах.

Довольно перспективно сотрудничество со странами Азиатско-Тихоокеанского региона в космической области: по созданию собственно пусковых площадок в Южной Корее, ракет и ракетных двигателей (Япония, Южная Корея) и оказание услуг по коммерческим запускам в космос (Япония, Южная Корея, Малайзия, Индия, Индонезия).

Важная программа высокотехнологичного сегмента в производственной деятельности компаний региона на территории РФ - стимулирование импорта в Россию высокотехнологичного оборудования. Мы уже имеем большой опыт автомобильного производства. Практически все крупнейшие азиатские представители так или иначе представлены на нашем рынке, но в качестве пилотных сейчас предлагаются такие направления экономической деятельности, как медицинская техника, фармацевтика, электроника, станкостроение, транспортное машиностроение. Есть российские проекты модернизации верфей для производства судов, в том числе судов-газовозов, модернизация предприятий химиче-

ского комплекса с привлечением компаний из Японии, Южной Кореи и ряда других стран. Есть проекты более полного использования транзитного потенциала Российской Федерации, прежде всего Транссиба, и даже налаживание зернового экспорта в Азиатско-Тихоокеанском регионе через дальневосточные порты. Сейчас у нас нет перевалочных портов на Дальнем Востоке, в то время как на экономики стран, только членов АТЭС, приходится 38 % мирового импорта зерна. И, конечно, важно правильное позиционирование России в довольно сложной геополитической системе регионов и более активное участие наших ведущих в Азиатско-Тихоокеанском регионе интеграционных процессов. Отношение к России в регионе очень-очень разное и неоднозначное. С одной стороны, мы воспринимаемся как политическая сверхдержава с большими возможностями влияния на политические процессы, которые идут, мы воспринимаемся многими как противовес другим политическим сверхдержавам. С другой стороны, Россия воспринимается как экономический карлик, что отражает известную реальность, и к России очень настороженное отношение, в том числе

даже в цивилизационном плане, то есть восприятие России именно как азиатско-тихоокеанской страны. Сейчас Россия достаточно плотно интегрирована во все крупнейшие региональные объединения: АТЭС, АРФ, Совещание по мерам взаимодействия и мерам доверия в Азии, РИК, БРИК, ШОС и многое другое. На мой взгляд, в этом году, итоги которого мы подводим, сейчас завершается важный этап – мы пришли к некому промежуточному финишу в соревнованиях различных интеграционных проектов и в выстраивании архитектуры АТРовской безопасности, в которой состязались на протяжении многих лет. По моим ощущениям, которые подкрепляются реальными измерениями, расширенный формат восточноазиатских саммитов, который также можно интерпретировать как АСЕАН+8, все больше и больше выдвигается на первый план и, судя по всему, именно он станет основным в выстраивании архитектуры АТР 21-го века. Эта схема в регионе далеко не всех устраивает. В тех же руководящих кругах АРФ, например, растет очень сильное сопротивление, они видят большое соперничество, в том числе и в сфере безопасности. Если раньше АРФ в АТР считал себя главным в

безопасности, то сейчас на эту роль будет претендовать встреча министров обороны, первая встреча которых прошла в октябре этого года в Ханое в формате АСЕАН+8 или в формате расширенного восточноазиатского саммита. Эта схема лучше для России, чем какая-нибудь другая, - Россия представлена в полном объеме. Сейчас сотрудничество в АТР является и важнейшим направлением и в российской внешней политике, и в развитии российского Дальнего Востока. Обращаю внимание на непреложный демографический фактор. Население всего российского Дальнего Востока, восточнее озера Байкал, - 7 миллионов человек. Население приграничных районов Китая – 280 миллионов человек. Население Северной Кореи – 24 миллиона человек. Население Южной Кореи – уже почти 50 миллионов человек. Население Филиппин, площадь которого равна площади Камчатки, составляет 95 миллионов человек и растет со скоростью 2-3 миллиона в год, не говоря уже о 55 миллионах вьетнамцах. Опубликован доклад в этом году об азиатской стратегии, заканчивающийся такой фразой: «Китайские политики в конце 90-х годов в официальном порядке выдвинули стратегию - на

Север, стабилизировать Запад и пойти на Юг». Россия могла бы сформулировать свое геополитическое поведение на ближайшие 10 лет так – опереться на Запад, стабилизировать Юг и пойти на Восток. Запад – это источник высоких технологий и качественных инвестиций, Юг – источник основных угроз безопасности, а Восток – это растущий центр современного мира, рынки сбыта и возможности для интеграции и всестороннего сотрудничества.

Оганесян Армен Гарникович:

Европа в последнее время, взирая на азиатский азимут, имея в виду Китай, все больше ощущает свою некую ущербность. Американцы говорят, что Европа, даже объединенная, никакая не сверхдержава. Как относиться к этому треугольнику? Экспертное сообщество считает этот союз невозможным на данном этапе. Некоторые полагают, что Европе необходима Россия, чтобы в этом треугольнике занять достойное место, то есть как можно теснее сблизиться с Россией в экономическом и стратегическом плане. Ваше мнение о перспективах взаимодействия США и Китая.

Никонов Вячеслав Алексеевич:

На самом деле, это очень серьезный и сложный вопрос. По моему мнению, отношения между США и Китаем – это ось мирового

развития в 21-ом веке. И сомнений в этом нет никаких. Чаймерика в том виде, в котором о ней говорили – «Большая двойка» – абсолютно невозможна. Потому что США изначально рассматривали, что Китай пойдет на эту игру и согласится на роль младшего брата США. У Америки, как известно, не младших партнеров нет. Китай увидел в этом возможность США влиять на внутренние китайские процессы, поэтому идея «Большой двойки» никогда не реализуется. Напротив, США начали активно создавать коалицию по сдерживанию Китая и, я считаю, что главный ограничитель китайского подъема и роста – это внешняя реакция на китайский подъем и рост. Это никому из крупных мировых держав не нравится. Россия здесь занимает нейтральную позицию. Но США, совершенно ясно, пытаются создать альянс по сдерживанию. Здесь они полагаются не только на своих традиционных партнеров в регионе, но и делается большая ставка на Индию в этом процессе. И с этой точки зрения следует рассматривать американскую политику в Афганистане. Я уверен, что американцы в ближайшем и необозримом будущем из Афганистана уходить не будут. Судя по количеству цемента, которое завозится в Афганистан,

строительство военных баз ведется достаточно активно, причем не там, где расположены талибы – значительно севернее и восточнее. Безусловно, Китай превращается во вторую сверхдержаву современного мира, для которого стратегические отношения с Россией очень важны, поскольку Россия является для него стратегическим тылом. Наши отношения с Китаем, прежде всего, важны для Китая. Россия также заинтересована в сохранении дружеских и добрососедских отношений с Китаем. Что касается США, я обратил бы внимание на две линии. Если мы посмотрим все последние стратегические американские документы за последний год, то по ним видно, что США уделяют внимание большим странам. Россия, Китай и Индия находятся в центре внимания американской политики. Для США Россия важна, как и Европейский союз, но ЕС они считают само собой разумеющимся, с одной стороны, а с другой – очень разочарованы им из-за того, что он не несет достаточной нагрузки по поддержанию военно-политической мощи НАТО, погряз в пацифизме, не способен решить внутренние экономические проблемы, скатывается по пути окончательного социализма, спасая экономику от всех возможных бед с помощью го-

сударственных интервенций. Отношения очень сложные. Если, согласно этим документам, посмотреть список стран – противников или врагов США – то он очень маленький. Две страны – отчетливые, две – замаскированные: Северная Корея и Иран, Россия и Китай. Россия и Европа – очевидное сближение. Европа, действительно, почувствовала свою экономическую уязвимость, она почувствовала, что геополитически ей очень тяжело существовать сейчас. С моей точки зрения, для того чтобы выполнять функции сверхдержавы, которые она может выполнять, помимо их внутреннего единства, не хватает реально ресурсов, стратегической глубины и серьезного геополитического мышления. Именно России им объективно не хватает для того, чтобы играть важную геополитическую роль. Я думаю, что мы будем свидетелями достаточно серьезного сближения России с Европейским союзом, хотя препятствий довольно много, в основном в головах политиков и в объективных интересах европейских компаний, которые, конечно, относятся с предубеждением к России и не хотят пускать ее на европейские рынки.

Панов Александр Николаевич, ректор Дипломатической академии МИД РФ:

Прежде всего, я согласен, что уходящий год был успешным для российской политики с точки зрения укрепления позиций в регионе. Мы наконец-то приняты в восточноазиатское сообщество. Из региональных организаций остался только Азиатский банк развития, но с учетом наших отношений с Японией, нам вряд ли в ближайшее время светит туда поступление. Напомню, что японцы до конца стояли против нашего подключения к АТЭС. И только после встречи в Красноярске в 1997 году японцы сняли свои возражения.

На протяжении 15, а то и больше, лет наша внешняя политика, опираясь на очень скудные ресурсы – дипломатические, внешнеполитические, тем более, экономические – тем не менее, добивалась того, чтобы Россия воспринималась как азиатско-тихоокеанская держава. Ресурсы, особенно экономические, действительно, незначитель-

ные. Хотя и приводилось много примеров того, что делается, но, тем не менее, делается чрезвычайно мало. Я хотел бы об этом сказать. Мы принимаем одну концепцию за другой, стратегию за стратегией, но мало, что меняется в жизни реальной. Вот что после известного Государственного Совета в своем твиттере написал наш Президент: «Очень много слов было сказано. Практических действий и предложений по решению вопросов не услышал. Очень жаль. Это не работа». Сейчас никого не надо убеждать, что Россия должна идти на Восток. Но как и с чем идти – вот в чем вопрос. Здесь правильно говорили, что надо интегрироваться, но как мы воспринимаем эту интеграцию. Входим в регион, а к себе никого не пускаем – вот наш подход к интеграции. Это, к сожалению, на Дальнем Востоке очень хорошо ощущается. Попробуй там иностранец осуществить свой бизнес, особенно продвинутый. Наша экономическая модель вообще отвергает инновацию и модернизацию. Почему она должна быть другой на Дальнем Востоке? С учетом демографических проблем и экономической отсталости эта модель должна быть совсем другой. Но ничего проывного нет. Все мы забудем АТЭС. Хорошо хоть оста-

нется два моста, не очень нужных, на острове Русский и прекрасный университет. Занимаясь этой проблематикой уже на протяжении 20 лет, я не вижу, что происходит коренной перелом нашей политики на Дальнем Востоке и в отношении развития Азиатско-Тихоокеанского региона. Надежда, конечно, умирает последней. Может быть, последняя концепция, которая создается, изменит ситуацию, хотя у меня лично таких радужных представлений нет. Я понимаю, что мы хотим активно заявить о себе во всех форумах, везде выдвинуть свои инициативы, но нужно ли нам проявлять такую активность в во всех этих форумах. Может быть, сосредоточиться на том, чтобы поддерживать те инициативы и развивать их, с которыми выступают сами региональные державы. И не надо считать, что мы лучше всех знаем, что тут в регионе делать. Хотя есть ряд проблем, где мы могли бы и должны бы выступить более активно. Ситуация на Корейском полуострове обостряется. Никто не предлагает ничего конкретного, кроме того, чтобы вернуться к «шестерке». Она не предотвратила ядерные взрывы в Северной Корее, ни в чем не продвинулась, хотя и были

какие-то наработки, не дала ни того результата, на который рассчитывали. Почему бы не попробовать на каких-то новых началах осуществить переговоры на этом полуострове. Ядерная проблема для Северной Кореи – не самая главная. Это карта, и Северная Корея не получит того, что хочет, она будет ее разыгрывать. Я считаю, что нужно вернуться к тому, с чего все это началось, к 53-му году. Это значит – менять перемирие на мир и решать сопутствующие вопросы вокруг этой проблематики. Если бы мы могли выступить вместе с Китаем в этом плане, если бы Северная Корея видела привлекательность повестки дня переговоров, она бы согласилась.

Что касается Японии, то, можно сказать, что мы вообще с Японией плохо работали или вообще не работали. Фестивали, «чебурашки» – это, конечно, хорошо, но они не дали того эффекта, чтобы к России относились по-другому. Эта вспышка теперь оставит в сознании японцев очень негативное отношение к России. Япония нам нужна не только как экономический и научно-технологический партнер, но и как баланс наших отношений с Китаем. Надо вести переговоры не только на вы-

соком уровне. Мы, практически, не знаем японскую политическую элиту, особенно нынешнюю, с ней никто не работал, мы не знаем представителей средств массовой информации, не проводится работа с японскими учеными, лишь с теми, кто нам известен 30-40 лет назад. Необходимо налаживать широкий диалог с японцами. Второй вопрос – не решается наиболее важный вопрос с островами. Может быть, и хорошо, что этот вопрос не решается. Надо вернуться к этому вопросу с точки зрения взаимного сотрудничества – или на островах, или вокруг них.

Подводя итог, скажу, что с восточного направления нам ничто не угрожает. Здесь у нас есть возможности, практически, неограниченные. Они ограничены лишь нашим слабым экономическим развитием, недостатком интеллектуальных идей. Если все это преодолеть, у нас на Востоке прекрасные перспективы.

Оганесян Армен Гарникович:

Спасибо, Александр Николаевич! Может быть, кто-то на этот тезис и откликнется, угрожает нам кто-нибудь на Востоке или нет. Мне кажется, что вопрос спорный, но научная смелость нарисовала нам такими большими мазками тему для следующей дискуссии.

Шафраник Юрий Константинович:

Я скажу по первой части вопроса, не про угрозу, а про то, что мы сделали в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Всего за последние 20 лет было три крупных проекта: это Сахалин (СРП), который нещадно критиковали. Я считаю, политически абсолютно безосновательно. И только сейчас пошли публикации, что СРП нам что-то дает. Если бы СРП не было, то не было бы ни японского завода, ни других платформ. И вообще оживления на Сахалине не было бы. Я не знаю, был кто-то из вас в 90-е годы на Сахалине или нет. Но в 1995 году на Сахалине был жуткий упадок - экономический, политический, психологический, просто подавленность. Это был единственный коммерческий проект. Второй проект - это инфраструктура. Это государственный проект, чистый бюджет (через Транснефть, без Транснефти - большой разницы здесь нет). И Ванкор, который я тоже привел как пример, коммерческий проект (его развивает компания Роснефть, а это не совсем государство). И если взять налоговую систему, то ванкорская нефть абсолютно нерентабельная, Ванкор нужно закрывать, если говорить о транспорте на Дальний Восток до Тихого

океана. Сургут немного вложил. Но все их расчеты показывают, что если бы эти же деньги они вложили бы в Ямал, они получили бы в 3 раза больше отдачи. И когда мы говорим об угрозах, я считаю, что мы сами себе угроза. Надо создавать условия для проектов. И главное, это укрепление себя и реализация проектов с определенными возможными ошибками, как, например, по Сахалину. Ошибки там есть, но мы их делали в 1993-1994 годах, когда страна только еще поднималась. Ошибки можно поправить, они бывают.

Второй аспект - здесь же, в этом же ключе, только о великом «Газпроме». Заметьте, сколько подписано меморандумов, соглашений. Есть хоть один действующий проект «Газпрома» за пределами России? Проекта, сделанного с нуля, нет. По энергетической концепции, у нас более 20% нефти и газа от общего объема экспорта должны в 2025 году быть на Дальнем Востоке. И, если правильно структурировать проекты, правильно создать условия, привлечь инвестиции и раскрутить, то это реально. Но только это требует чрезвычайного понимания, что все проекты, и главное Ванкорский, должны подкрепляться экономически, политически (политически,

т.е. по государственным условиям, не в плане взаимоотношений с Китаем, Кореей или Японией, а в плане принятия решений по структурированию условий), и в первую очередь финансами, тогда это реально. Тогда 22-25% газа и нефти от общего объема будет приходиться на тихоокеанский регион. На сегодняшний день мы как общественное формирование пытаемся обсуждать и двигать эту инициативу в государственном плане. Я ответственно заявляю, как бы мне не хотелось это говорить, но у нас проект реально не подготовлен. Еще не ведется дискуссия с Минфином и Минэкономки на тему, какие мы собираемся создать особые условия, а не разовые преференции. Пока в этом плане у меня больше пессимизма.

Лукин Александр Владимирович, директор центра Восточной Азии и ШОС МГИМО:

Обычно сначала анализируют ситуацию, а потом дают рекомендации. А у нас сначала в большом количестве были сформулированы

16
рекомендации, и они во многом правильные. А потом, в ряде других докладов, мы перешли к анализу ситуации. А ситуация участия и присутствия России в АТР не такая уж радужная. Здесь в первом выступлении Владимир Андреевич правильно говорил, что в нынешней ситуации внешняя политика должна обеспечивать внутренние цели. Это, конечно, правильно. Но правильно и то, что внешняя политика не может быть слишком активной, если она не подкреплена реальными внутренними достижениями, внутренней мощью страны, ее влиянием и присутствием в этом регионе. У нас модно говорить о министре иностранных дел Горчакове, который проводил разумную политику, пока Россия сосредотачивалась. Но в то время она действительно сосредотачивалась. Тогда проводились важнейшие реформы во всех областях, которые привели к реальному экономическому росту, к перестройке армии, что привело ее к росту военного могущества, шло развитие образования, самоуправления и вообще практически по всему спектру проблем. Имеем ли мы такие реформы сейчас? Давайте скажем, что, в лучшем случае, они находятся на раннем этапе. Какие-то реформы проводятся. Но будут ли результаты такими

блестящими, как в тот период, в XIX веке, пока говорить рано. У нас сейчас блестящие дипломаты, как и в тот период, некоторые из них здесь присутствуют, но им трудно. И особенно им трудно на азиатском направлении, потому что присутствие там России до сих пор слабое.

Здесь говорили про какие-то проекты. Но действительно по сравнению с прошлым положение улучшилось (Сахалинский проект, например). Я был во Владивостоке, там, действительно, что-то строится на острове Русский и в самом городе. До этого там вообще не шло никакого строительства. С другой стороны, население бежит с Дальнего Востока и из Сибири, оно уменьшилось на 2-3 миллиона по сравнению с советским периодом. Инвестиционный климат крайне плохой как в целом по России, так и там. Там еще остро стоит проблема трудовых ресурсов и много других вопросов. Что говорить, если для того, чтобы пошел какой-то проект, премьер-министру два раза надо было съездить на место, чтобы там началось строительство моста. Но на этой основе нельзя строить серьезное развитие. В Америке или в Китае лидер страны не ездит и не говорит, чтобы строили мост. России сейчас надо работать над тем, чтобы ее присутствие, ее

влияние в Азиатско-Тихоокеанском регионе планомерно повышалось. Какие у нас сейчас есть мощные факторы? Военный фактор у России остается, как говорили, довольно сильный, но его значение в последнее время меняется. Каким-то образом можно использовать этот ресурс, но осторожно. Как здесь говорил господин Никонов, с учетом растущего влияния и мощи некоторых других стран. Экономическая составляющая выглядит слабее всего, несмотря на все эти проекты, про которые здесь говорили. Как эксперт, член экспертного сообщества, отмечаю следующее. Проблема в том, что Россия в Азиатско-Тихоокеанском регионе не воспринимается как часть региона на глубинном экспертном уровне. Хотя бы по формальному признаку, например, в Китае и в других странах изучение России ведется в институтах, учреждениях и МИДах стран, в отделах Европы или, в лучшем случае, в отделах Восточной Европы и Центральной Азии. В Китае, в Китайской академии общественных наук есть отдел АТР, но там нет ни одного специалиста по России, они вообще Россией не занимаются. Там есть отдельный Институт России и Центральной Азии, где много людей занимается Россией. Россия воспринимается в основном

как европейская и частично как азиатская страна. Поэтому нам предъявляют какие-то претензии, говорят, что экономическое присутствие здесь крайне слабое. Последнее время наша торговля с рядом стран региона растет, за исключением года кризиса. Но все равно, торговый оборот нашей страны с Китаем в 7 раз меньше, чем торговый оборот США с Китаем, в несколько раз меньше, чем торговый оборот Японии с Китаем. Наш торговый оборот даже в несколько раз меньше, чем торговый оборот Южной Кореи с Китаем. Довольно быстро росла до кризиса торговля с Японией, но во время кризиса серьезно. Примерно такие же параметры оборота стран региона между собой и такие же параметры оборота с крупными игроками мира. Теперь культурная составляющая, если в целом говорить о так называемой «мягкой силе» («soft power»). Что Россия может предложить Азиатско-Тихоокеанскому региону в качестве образца? Я думаю, что мало. Есть у нас традиционная американская модель, которая сейчас теряет свою популярность, но это все равно модельная демократия, рыночная экономика и так далее. В последнее время становится популярной так называемая китайская модель, пекинский консенсус, китай-

ская модель экономического развития. А что Россия может предложить? Современную демократию? Модернизацию, которая у нас только начинается? Инновации? Про это все уже знают. Поэтому гораздо лучше было бы работать с нашим культурным потенциалом, культурными традициями. Но, к сожалению, в основном все наши коллективы, писатели и другие ориентированы на Запад. Но этот ресурс лучше было бы использовать. В этой ситуации, мне кажется, политика России должна быть скромной, как правильно говорил Александр Николаевич. Она в принципе сейчас довольно разумна. У нас всегда существует какой-то зуд гигантомании советского времени - Советский Союз обязательно должен был выдвинуть какую-то глобальную концепцию по всем вопросам. Мне кажется, что в нынешних условиях это не очень обосновано. Есть несколько направлений, по которым можно действовать: работать с существующими организациями, стимулировать экономическое присутствие в Азиатско-Тихоокеанском регионе, способствовать ему, стараться планомерно обеспечивать участие России в международных организациях и региональных процессах. Здесь перечисляли эти организации и говорили,

что Россия в них в принципе «нормально» присутствует. Надо развивать двустороннее сотрудничество, способствовать росту товарооборота, улучшению торгового баланса. У нас большая проблема в этом плане со всеми странами - торговый дефицит. С Китаем, например, с 2007 года торговый дефицит. Нужно улучшение структуры торговли. У нас в последнее время, как здесь правильно говорили, рост машинотехнической продукции с Китаем - доля 1-2-3 % в товарообороте. А в китайском экспорте в Россию - более 30 %. Поэтому, действительно, как говорили, скоро мы будем заимствовать и технологии в Китае. Мы все время выступаем с глобальными инициативами. Я недавно был на заседании секции Валдайского клуба в Шанхае с Китаем. Там некоторые присутствующие предложили, чтобы Россия на саммите АТЭС выдвинула бы идею нового Хельсинского процесса для Азиатско-Тихоокеанского региона или какой-то новой системы безопасности. Но такие разговоры ведутся и в других аудиториях. Но я думаю, что сейчас, как я сказал, не время для таких глобальных проектов, потому что нужно просто работать и создавать условия для того, чтобы внутреннее развитие и российское присутствие в

Азиатско-Тихоокеанском регионе шаг за шагом планомерно росло.

Оганесян Армен Гарникович:

И все-таки есть ли угрозы на Востоке извне?

Барский Кирилл Михайлович, заместитель директора Департамента азиатско-тихоокеанского сотрудничества МИД:

Я хотел бы всецело поддержать тезис Александра Николаевича Панова о том, что на Дальнем Востоке и в Азиатско-Тихоокеанском регионе складываются благоприятные условия для наших интересов, что нам по большому счету в этом регионе никто не угрожает. Нет такой страны, от которой бы исходила непосредственная угроза национальной безопасности России. Это один из важных факторов нашего позиционирования в АТР. Другое дело, что регион этот настолько сложен, там накопилось такое количество самых различных сложных проблем, что угроза региональной безопасности там действительно существует. Более того, они зашкаливают. Именно поэтому мы выступаем за создание в этом

регионе какой-то новой архитектуры безопасности и сотрудничества. Мы считаем, что такая архитектура, где, в отличие от Евроатлантики, не сложилась единая система безопасности (нет ни Хельсинского акта, нет ни Организации по безопасности и сотрудничеству). Нужна какая-то гибкая, многослойная, многомерная архитектура, которая бы была открытой, равноправной, транспарентной, которая основывалась бы на принципах международного права, которая бы в максимальной степени учитывала интересы всех государств региона. Над этой идеей мы предлагаем поработать в предстоящие годы всем странам региона, такие идеи высказываются не только нами, но и другими партнерами по АТР. Вместе с Китаем мы выдвинули совместную инициативу по укреплению безопасности и сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Это было сделано во время визита Президента Медведева в Китай в конце сентября этого года. Интерес к нашим идеям проявляет и Индия, и партнеры АСЕАН. Вы знаете, в конце декабря состоится визит нашего Президента в Индию. Я думаю, что эта тема там тоже прозвучит. Здесь я хотел бы перейти к тезису об условиях, которые складываются для продвижения наших интересов в Азии

и на Тихом океане. Сегодня здесь много говорилось о тех проблемах, которые у нас существуют. Они реальные. Тезис, который выдвинул Владимир Андреевич в своем вступительном слове, о том, что нам еще очень много предстоит сделать, конечно, заслуживает поддержки. Сделать предстоит гораздо больше, чем сделано. Но условия для этого, действительно, складываются неплохие. Посмотрите, нас с Китаем связывают отношения традиционной дружбы и партнерства. У нас партнерство с целым рядом государств, причем, ключевых государств - это Китай, Индия, Вьетнам. У нас неплохо развиваются отношения со странами АСЕАН, с Республикой Корея. Сегодня в ряде выступлений прозвучала такая скептическая нотка относительно того, как воспринимается Россия в АТР - «неадекватно, неоднозначно», - и это тоже к вопросу о том, что нам еще предстоит сделать. Существует целый план мероприятий по информационному сопровождению нашей внешней политики в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Безусловно, этим можно и нужно заниматься. Но, в целом, китайские партнеры, например, заинтересованы в том, чтобы Россия занимала более прочные позиции в регионе. Мы воспринимаем

их как близких партнеров по многим вопросам в глобальной повестке дня в видении современного мироустройства. В вопросах безопасности китайцы, безусловно, заинтересованы в том, чтобы сотрудничать с нами. В активном участии России заинтересована Индия. У индийцев тоже есть свои сомнения относительно укрепления ряда стран региона, и им хотелось бы в лице России видеть некий контрбаланс. Индия заинтересована в нашей поддержке в их вступлении в АТЭС, куда они давно пробиваются и пока безуспешно, и по целому ряду других направлений. Что касается стран АСЕАН, то вся политика этой региональной группировки построена на балансе сил. Она выступает за то, чтобы все региональные и нерегionalные державы присутствовали здесь достаточно взвешенно, равномерно, укрепляли свою роль в регионе и стабилизировали ситуацию в целом. Регион находится сейчас между США и Китаем, как между молотом и наковальней. Никто не хочет конфликта между этими странами, как и любого другого конфликта, которые возникают или могут возникнуть между крупными государствами региона. С другой стороны, никто не хочет «ложиться»

ни под США, ни под Китай. Все заинтересованы в том, чтобы была какая-то система сдержек и противовесов, в которой все государства имели бы возможность реализовывать свои интересы, избегая конфликтов между крупными странами. Мне кажется, что даже союзники США чувствовали бы себя гораздо уютнее, если бы у них были бы дополнительные точки опоры, помимо их обязательств по военно-политическому альянсу с США. Таким образом, резюмируя, в чем я хотел поддержать тезис Александра Николаевича, - внешняя политика, действительно, создает условия. И на данном этапе те усилия, которые мы предпринимаем, и те условия, которые складываются в регионе, нам в плюс.

Орлов Владимир Андреевич:

Мне кажется, что одна из инвестиций, которая Россия могла бы и должна была бы сделать, связана с формированием общего научно-образовательного поля в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Иначе, и новые поколения экспертов, политиков, бизнесменов не будут воспринимать Россию как часть АТР, сколько бы мы ни старались на саммите во Владивостоке. Более конкретно, речь идет о совместных образовательных программах. Дальневосточный госунивер-

ситет задумывается об этом. В этой связи, применительно к разговору о нашей внешней политике, крайне важно задуматься о том, как подтянуть молодых людей из региона, из различных государств региона к обучению, к повышению квалификации, тренингам и дискуссиям в России на базе наших российских учебных и научных учреждений. Более того, у нас имеется позитивный, хотя пока еще скромный опыт, в этом начинании. Мы вместе с «Русским миром», с другими коллегами в ПИР-Центре проводим летнюю школу по международной безопасности, и она уже, действительно, становится в полном смысле слова международной. Надо подтягивать в эту среду (это будет тот «networking») те неформальные связи, которыми мы, возможно, когда-то были сильнее, чем сейчас. Естественно, на научных дискуссионных площадках это не менее важно. Когда мы работаем по программам как мягкой, так и жесткой традиционной безопасности, в том числе в вопросе нераспространения ядерного оружия, мы, конечно, тоже должны проявить большую активность в развитии атомной энергетики в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Появляются государства, в том числе и в Юго-Восточ-

ной Азии, которые подключаются к этим процессам: Вьетнам, Индонезия, возможно, другие страны. Я думаю, что России здесь нужно учиться у других. И не просто строить реакторы, не просто обучать инженеров из этих стран, а участвовать в формировании культуры ядерного нераспространения в этих государствах с мирной атомной энергетикой. Нам надо самим формировать эти программы, обучать этих людей.

Пестов Вадим Александрович, главный специалист Департамента международного сотрудничества Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом»:

Вопреки негативным последствиям мирового экономического кризиса в последние годы вопрос использования ядерной энергетикой во многих странах становится все более актуальным, особенно в условиях атомного ренессанса в мире. Многие страны на современном этапе находятся на стадии оценки своих возможностей развития атомной энергетикой. По данным Международного агентства по атомной энергии

(МАГАТЭ), на сегодняшний день около 60 государств заявили о своем желании развивать национальную ядерную энергетикой. В этой связи Государственная корпорация по атомной энергии («Росатом») одним из приоритетов на ближайшую долгосрочную перспективу видит сотрудничество в области мирного использования атомной энергии с другими странами. В частности, за счет строительства объектов атомной энергии, экспорта ядерных технологий и оказания услуг в данной сфере. Так, Российская Федерация и Госкорпорация «Росатом» в текущем году подписала около 20-ти межправительственных и межведомственных соглашений и меморандумов в области мирного использования атомной энергии сотрудничества в этой области. Надо отметить, что наибольшую активность в вопросах использования ядерной энергии проявляют страны АТР, страны, где уже существует мощный развитый энергетический потенциал (Южная Корея, Япония, Китай, Индия), а также относительно молодые в плане ядерной энергетикой страны – Вьетнам и Бангладеш. Михаил Юрьевич в своем выступлении отмечал уже вьетнамский проект, я остаюсь на этом еще раз. В октябре этого года во время

визита Президента РФ Д.А. Медведева в Социалистическую Республику Вьетнам было подписано межправительственное соглашение о строительстве во Вьетнаме первой атомной электростанции. Также ведутся активные переговоры о подписании межправительственного соглашения о строительстве станции в Народной Республике Бангладеш. В Индии, в Китае атомные станции активно строятся. По этому поводу был подписан ряд межправительственных соглашений. Также проводится работа в организациях на региональной основе. С 5 по 7 июля 2010 года делегация экспертов Госкорпорации приняла участие в региональном форуме Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) с презентацией российских ядерных технологий и опыта строительства станций за рубежом. В рамках подготовки второго саммита Россия-АСЕАН 29-30 сентября в городе Ханой (Вьетнам) состоялся с участием Госкорпорации «Росатом» научно-технический семинар «Мирное использование атомной энергии в АТР». Целью семинара являлась презентация российского потенциала, возможного развития сотрудничества между Россией и странами АСЕАН в области мирного использования

атомной энергии, внедрения инновационных ядерных российских технологий, в том числе по следующим направлениям: строительство атомных станций, ядерных исследовательских центров и других объектов атомной энергетики в России и за рубежом, научно-техническое обеспечение ядерно-топливного цикла, создание нормативно-правового урегулирования в области использования атомной энергии с учетом рекомендаций требований МАГАТЭ. Подготовка национальных кадров для атомной отрасли и информации о возможной коммерциализации и применении ядерных технологий в различных сферах народного хозяйства - это изотопная продукция, ядерная медицина, водоподготовка и прочие другие. В работе данного семинара приняли участие представители секретариата АСЕАН, Центра энергетики АСЕАН, а также делегации всех десяти стран АСЕАН: Брунея, Вьетнама, Индонезии, Камбоджи, Лаоса, Малайзии, Мьянмы, Сингапура, Тайланда, Филиппин (всего 24 делегата). Общее количество участников семинара составило около 90 человек. В ходе проведения семинара были созданы условия для успешного диалога по вопросам исследования и внедрения соответствующих иннова-

ционных разработок и решений атомной промышленности, установление прямых связей между научными организациями. Сформирована платформа для дальнейшего развития кооперации в данной области между странами-участниками семинара. 16 декабря текущего года состоится научно-технический семинар корпорации в Джакарте для специалистов Республики Индонезия по вопросам мирного использования атомной энергии. В семинаре также примут участие представители секретариата АСЕАН, другие заинтересованные компании и организации. По итогам проведения указанных мероприятий разрабатываются и реализуются предложения по мерам, нацеленным на расширение научно-технологического сотрудничества, обмена технологиями, стимулирования коммерциализации наиболее перспективных российских технологий в Юго-Восточной Азии, а также формирование эффективного механизма установления прямых связей в указанной сфере и развития государственного и частного партнерства. Российская Федерация готова выходить на международные рынки с предложением высокотехнологичной конкурентоспособной продукции. В этой связи, обладая большим меж-

дународным опытом по реализации проектов по атомной энергетике в разных странах мира, Россия продолжает наращивать свое участие в деятельности ведущих многосторонних объединений АТР.

Кокорев Константин Анатольевич, первый заместитель директора РИСИ:

Нашей стране необходимо идти на Восток. Процесс этот двусторонний, и хотим мы этого или нет. Если не мы придем туда, то туда придут другие, и это совершенно очевидно. Если сегодня не принять экстренных чрезвычайных мер, то может случиться так, что мы на Дальнем Востоке можем оказаться лишними. Эту особенность надо учитывать и принимать конкретные меры в регионах Дальнего Востока. Страны АСЕАН также проявляют интерес к нашим восточным регионам. И здесь нужна конкретная вдумчивая работа, которая позволила бы нам достойным образом ответить на этот интерес во благо России, учитывая наших партнеров по региону. Вторая особенность, Александр Николаевич сказал об этом. Мы все прекрасно осознаем, что нужно поднимать, нужно развивать, нужно развиваться. Как это делать? Действительно, предложено много документов, много

программ, много одобрено, в частности Россией и Китаем. Неумение и неорганизованность сосредоточить усилия ради достижения конкретных целей, пусть небольших, но обозначающих движение вперед, являются главными препятствиями. Нужна организующая структура, которая бы могла все эти процессы держать под контролем и управлять. Посмотрите, что делает, например, Китай. Там существует Госкомитет, который жестко контролирует все процессы. Я не призываю к тому, чтобы учиться у Китая. Ситуация в Азиатско-Тихоокеанском регионе, действительно, очень непростая. Почему такая сложная ситуация складывается в этом регионе? Между странами самого региона очень много различий - и экономических, и в подходе к ситуации. Мы говорим о структуре в регионе, которая станет мощным противодействием и будет служить безопасности. Это формат АСЕАН. Если анализировать китайские источники, там очень редко встретишь АСЕАН +6 или АСЕАН +8, если вообще встретишь. Это говорит о том, что работа в рамках таких форматов требует еще очень большого времени, чтобы прийти к какому-то общему пониманию. Сложности и трудности в этом направлении еще впереди. Что касается нас в АТР, то мы,

действительно, «карлики», как было сказано, в плане экономическом. Если наш объем торговли в Азиатско-Тихоокеанском регионе составляет 3 миллиарда в 2009 году, то у Китая - 500 миллиардов. Существуют барьеры для сотрудничества и развития отношений, например, уровень предприятий регионов.

Хочу закончить на том, с чего начал. Если Россия не повернется в полный рост на Восток и не будут приняты какие-то решения о вхождении России в АТР, не станет там полноправным членом этого сообщества, то можно будет говорить (а это гарантированно можно сказать), что время будет упущено.

Оганесян Армен Гарникович:

Хочу отметить, что вообще нам, конечно, нужен опыт Российской империи времен Крузенштерна. И Президент ссылается на Столыпина и Чичерина в своих выступлениях. Наконец-то, мы вспомнили, что у нас есть не только западные светила в области социально-экономической, политической и геополитической мысли.

Возможно ли объединение Кореи через такую провокацию, через обострение на ближайшую или дальнюю перспективу? Не является ли это обострение подспудной причиной или одной из причин?

Толорая Георгий Давидович, вице-президент Фонда « Единство во имя России», директор корейских программ Института экономики РАН:

Я не только специалист по Корее, но и ответственный секретарь Азиатско-Тихоокеанского Совета по безопасности, председателем которого является Вячеслав Алексеевич Никонов. Я хотел бы внести ясность в дискуссию по поводу того, есть ли реальные угрозы и опасности для России, исходящие с Востока, из Азии или нет. Мы подводим здесь итоги 2010 года, и главная особенность этого года - это то, что списывать со счетов «hard power» в вопросах безопасности, думая, что все можно решить путем только экономического взаимодействия, используя только «мягкую силу», все-таки преждевременно. И обострение корейского конфликта, и обострение японо-китайского территориального конфликта, ситуация вокруг Южно-Китайского моря, других пограничных конфликтов, и ставшее уже ясным намерение США сдер-

живать Китай, выстраивая по периметру определенную структуру союзнических отношений и военного присутствия все показывает, что говорить о том, что вопросы безопасности в Азии не играют такой роли, как скажем, в Южной Азии или на Ближнем Востоке, было бы не совсем правильно. Если говорить о нашем российском Дальнем Востоке, которому всего 200-300 лет существования, что по сравнению с соседними государствами, имеющими многотысячелетнюю историю, небольшой исторический эпизод. Этот факт нельзя сбрасывать со счетов, необходимо понимать, что отсюда могут исходить угрозы, в том числе и военные угрозы, а не просто территориальные. Здесь может возникнуть острый конфликт. Например, на Корейском полуострове, в Корее, где в случае проведения США там соответствующей нажимной линии и обострения ситуации, может возникнуть конфликт, который мы контролировать не будем. Но последствия этого конфликта мы будем пожинать. Все зависит от того, насколько эффективны многосторонние механизмы поддержания национальной безопасности. Здесь надо понимать различия между пиар-усилиями, методами публичной дипломатии и

теми реальными возможностями для решения проблем и теми каналами и действиями, которые имеются. Мне кажется, что создание так называемой «network», организации, которая так или иначе заставляет участвующих в ней экспертов встречаться, думать об этих вопросах, обращать внимание на вопросы, чрезвычайно важно. Первая встреча на уровне министров обороны, которая прошла в этом году, важное событие. Я считаю, что необходимо не оставаться в стороне от этих процессов. Россия в экономическом плане еще не скоро займет в Азии ведущие позиции. Но в политическом плане как балансир, как держава с довольно серьезным дипломатическим потенциалом мы востребованы. Мы можем, при не слишком значительных ресурсах и не слишком больших вложениях материальных средств, и должны свои позиции отстаивать и продвигать. Обязательно, это должны быть собственные концепции, например, Болийский договор-2, о котором сейчас уже идет дискуссия. Мы должны обозначать свою позицию в существующих процессах. Если говорить о «мягкой силе», о продвижении положительного имиджа России, по роду моей деятельности в «Русском мире» я понимаю,

какие на это нужны средства, чтобы такая работа была эффективной. Пока у нас таких средств не предвидится. Что послужило причиной нынешнего обострения в Корее? Надо вернуться в 2008 год, когда консервативное правительство Южной Кореи перешло к политике нажима и изоляции. И эта политика диктовалась убежденностью консерваторов в том, что северокорейский режим исторически обречен, что вот-вот, еще немного, особенно в связи с тем, что у Ким Чен Ира начались проблемы со здоровьем, а проблема с престолонаследием не была решена в тот момент. Обострялась ситуация с ядерной проблемой, что позволяло принимать к Северной Корее санкции и изоляцию. Тогда определенные силы в Южной Корее пришли к определенному выводу, что падение режима не за горами или его смена, надо всерьез готовиться к объединению или, во всяком случае, к каким-то практическим действиям в этой области. У южнокорейцев было полное непонимание реальной ситуации, полное отсутствие аналитических возможностей. 20 лет они все ждут, когда режим развалится, а он все никак не развалится и вряд ли развалится в обозримом будущем. Сегодняшние реалии – это существование Северной Кореи –

прочного формирования и достаточно неудобного для соседей. Северная Корея была поставлена в такое положение, когда из достаточно скудного арсенала внешнеполитических ресурсов она была вынуждена прибегнуть к более эффективной политике — политике наживы, политике военных угроз, политике провокаций, наконец. Все это еще совпало с проблемой передачи власти для создания имиджа сильного и решительного руководства. Северная Корея была вынуждена использовать тот инструментарий, который она имеет в своих руках — это военная сила. Этим и объясняется инцидент, который произошел недавно. Суть инцидента — не экономические или политические причины, это чисто территориальный спор, которых много в Азии и в других местах. Здесь у каждой стороны своя правда, причем северокорейские позиции по нормам международного права более справедливые. Создается прецедент. Мне кажется, за этими процессами надо следить и наблюдать нашим экспертам и практическим работникам, у которых больше возможности для того, чтобы прогнозировать ситуацию и защищать наши интересы.

Воронцов Александр Валентинович, заведующий отделом Кореи и Монголии Института востоковедения РАН:

Наш Дальний Восток является достойным партнером. Путешествуя в этом году по Дальнему Востоку, я был в Хабаровске, в Уссурийске и на Сахалине. Проблема региона в том, что там есть ощущение, что Москва и Центр проводят в других регионах колониальную политику. Мы не зря вспоминаем сегодня наших классиков: Столыпина и других. Мы наблюдаем политику эксплуатации природных ресурсов этого региона: все дивиденды уходят в Москву, а там ничего

не остается, кроме загрязнения среды. В частности, в отношении этого завода по разжижению газа на Сахалине в городе Корсакове, на котором якобы установлены новые технологии. Но у людей, которые в этом городе живут, ощущение другое (мне удалось пообщаться с населением). Устаревшие технологии. Люди говорят о загрязнении среды. Отношение такого неравноправного партнерства с Центром при-

сутствует, и это надо исправлять. Даже если оно не обоснованно, но поскольку эти настроения завладевают сознанием масс, тем не менее, это становится реальной силой. Есть такая проблема, и не замечать ее было бы неправильно.

А что касается строительства во Владивостоке очистных сооружений, там говорят, спасибо Путину, благодаря ему во Владивостоке впервые решаются проблемы социальной сферы Владивостока. Было не только строительство мостов, но и создание канализационных очистных систем, до сих пор все в океан сбрасывалось.

По поводу миграции. Все говорят, что населения там не хватает. Говорят, что надо все менять, надо направлять туда миграционные потоки, а у них лейтмотив такой — создайте нормальные условия проживания для тех, кто здесь уже живет, а уже потом будем говорить о расширении населения.

Возвращаясь к Корее, мы готовимся к 2012 году, председательству в АТЭС, которое мы считаем знаковым явлением. 2012 год — важный год и для Кореи, это 100-летие со дня рождения вождя, к которому они тоже готовятся. Северная Корея может быть только силовой извне. Необходимо решать этот вопрос — это наша традиционная линия, но она

требует активизации. Это должны быть не только призывы, но и какие-то конкретные действия, чтобы перевести эту ситуацию в переговорно-дипломатическое русло.

Северная Корея может быть только силовой извне. Текущий год был год нарастающего конфликта между США и Китаем по широкому спектру проблем. США также активизировали усилия по сдерживанию Китая, в том числе путем окружения, выдвижения военных структур на границах Китая. Тут корейская проблема создает прекрасный повод проведения военных маневров. Возникла иллюзия, что объединение Кореи возможно в ближайшем будущем, это используется Вашингтоном с целью давления на Китай, чтобы оторвать Северную Корею от Китая. Сам по себе северо-корейский режим внутри вполне устойчив, но это давление может привести к худшему сценарию. Надеемся, что до этого не дойдет. К сожалению, потенциал нарастает, вероятности худшего сценария тоже. Корейская проблема создает возможности развития худшего сценария — возникновения конфликта на Корейском полуострове, что может нам очень усложнить ситуацию. АТЭС для нас удобен в плане

развития нашего дальневосточного региона и тех проектов, которые там существуют. В наших национальных интересах (это всегда было и так остается) сохранение статус-кво на Корейском полуострове. А силовая смена режима (а смена режима там может быть только силовой, т.е. извне) не в наших интересах. И тут идет упор на то, чтобы решать этот вопрос - это наша традиционная линия, но она требует активизации. Это должны быть не только призывы, но и какие-то конкретные действия, чтобы перевести эту ситуацию в переговорно-дипломатическое русло. В последнее время мы видим, что Вашингтон настойчиво из арсенала средств реагирования на эти раз за разом возникающие кризисы сознательно выбирает только военно-силовые методы реагирования. Это маневры и еще раз маневры. Диалог отсутствует. Нам имеет смысл активизировать усилия совместно с Китаем и принять какие-то политические и дипломатические шаги и выдвинуть какие-то инициативы с целью перевести все это в мирное русло, эту конфликтную ситуацию в переговорный процесс.

Сумский Виктор Владимирович, директор Центра АСЕАН при МГИМО:

Я попробую подвести итоги. Все здесь сегодня согласилось, что неуместна такая вещь как глобальные замахы на азиатском направлении, что нужно быть скромнее и помнить о своих слабостях. В прагматическом смысле с этим не возможно не согласится, но сама Азия насквозь глобальна и глобализована. И если мы что-то хотим там делать, следует отказаться от глобального видения себя, необходимо определить такую политику, которая была бы одновременно очень реалистична и глобальна.

Тема угроз, их наличие или не наличие. Стержнем восточноазиатской политики является соперничество Китая и США за мировую гегемонию. Чем больше обещает миру развитие Юго-Восточной Азии, тем больше обострение национальных интересов. По мере подъема Азии выявляется именно этот конфликтный потенциал. Соперничество США и КНР носит регио-

нальный характер – одновременно за региональную и глобальную гегемонию. Я бы не стал утверждать, что угрозы, которые копят, в этом регионе носят такой не очевидный характер. Да, нам напрямую сейчас никто не угрожает, с этим я согласен. Как нам себя геополитически позиционировать в этой ситуации? Если посмотреть на остальных, то мы увидим, что никто не хочет встать на чью-то одну сторону этого большого геополитического спора. Россия при всей необходимости будет поддерживать дружеские отношения с Китаем как с соседом и при всей необходимости принимать фактор США как все еще ведущей державы современности. Но ни в коем случае Россия не должна вставать целиком на сторону одного из этих главных игроков. Встав на сторону одного из них, она даст резкий толчок процессам, которые могут подорвать тот самый экономический динамизм, ради которого мы и хотим быть в Азии. Встав на сторону любого из этих игроков, она наживет себе ментально такого врага, который в данный момент времени, безусловно, сильнее ее, и она будет рисковать, а это повлечет за собой конфликт и нанесет нам непоправимый ущерб. Что такое логическая альтернатива присоединению или непри-

соединению? России в XXI веке надо занять исключительно выгодную в морально-политическом плане позицию неприсоединения. Как показал опыт XX века, эта позиция избавляет нас от участия в той борьбе и схватке, в которой мы не можем выиграть ничего. Мы реально не являемся претендентами на мировую гегемонию. Эта стратегическая позиция выгодна нам с точки зрения нашего сотрудничества с подавляющим большинством стран Юго-Восточной Азии и странами АСЕАН. АСЕАН и пытается проводить эту линию на поддержание регионального баланса и недопущения каких-то сдвигов в региональном равновесии, которые бы уже носили необратимый характер. А по российскому Дальнему Востоку, могу сказать, что пока Россия надежно контролирует города, она надежно контролирует эту территорию.

Орлов Владимир Алексеевич:
Это была очень интересная дискуссия. Мы нашли не так уж много страхов и угроз по поводу нашего присутствия в АТР. Напротив, мы увидели много возможностей, которые надо грамотно использовать, учитывая противоречия, которые возникают, прежде всего, между США и КНР и другими игроками, но, также играя на международных

площадках организаций и форумов, где мы участвуем. 2011 год, - год предшествующий нашему председательству в АТЭС будет, наверняка, еще более интересным, чем текущий в азиатско-тихоокеанском измерении для внешней политики России. Форматы сотрудничества по анализу и осмыслению нашего внешнеполитического сотрудничества в этом регионе являются наиболее правильными.

Оганесян Армен Гарникович:
То, что в Азии не заложено в ментальности, очень трудно реализовать. Поэтому я против построения таких конструктивов. А то, что нет таких конструктивов, кроме того, что они будут такими, ничего нам не дает, потому что они слишком разрозненные. Это очень все фрагментарно с точки зрения идеологии и интересов. Спасибо всем участникам дискуссии за плодотворную работу!

Редакция журнала "Международная жизнь"

Главный редактор **Армен Оганесян**

Руководитель электронного издания -

Валентина Злобина

Выпускающие редакторы -

Ольга Иванова

Елена Шашкина

Дизайн, макет, верстка -

Антон Пантюхин

Фотографии -

Владимир Андрюшин

Адрес в интернете: <http://www.interaffairs.ru>,
электронный адрес: journal@interaffairs.ru

Адрес: 105064, Москва,
Гороховский переулок, 14
Телефон: +7 (499) 265-37-81
Факс: +7 (499) 265-37-71